

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА РОССИИ В ПОЛИТИКЕ ИДЕНТИЧНОСТИ ВЛАСТНЫХ ЭЛИТ ПОСТСОВЕТСКОЙ ГРУЗИИ

А. М. Понамарева

Понамарева Анастасия Михайловна, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Ленинские горы, д. 1, Москва, 119991, Россия.

E-mail: amponamareva@fmp.msu.ru.

ORCID 0000-0001-6585-4558

Аннотация. В статье на основе анализа динамики взаимодействия Грузии с Россией демонстрируются ограничения объяснительных возможностей классических (в первую очередь, относящихся к парадигме реализма) концепций ТМО при прогнозировании внешнеполитического поведения малых государств и обосновывается целесообразность обращения к концепту идентичности и теории конструктивизма. Для ответа на центральный вопрос исследования — почему потенциальные преимущества взаимовыгодного экономического и дипломатического сотрудничества не становятся противоядием от периодических антироссийских срывов политического руководства Грузии — автор последовательно решает следующие задачи: 1) обозначает концепции ТМО, предоставляющие полезный инструментарий для раскрытия роли национальной идентичности во внешней политике; 2) дает краткое описание политики идентичности независимой Грузии и выделяет ее «узловые элементы»; 3) определяет, какими институциональными решениями подкрепляется идея об изначальной «европейскости» Грузии и допускает ли она сохранение партнерства с Москвой. Прослеживается историческая трансформация образа российского государства в политике идентичности грузинских элит от «значимого» до «враждебного Другого». Раскрываются механизмы создания образа «мы-сообщества» и установления границ «свой — чужой», в том числе, включающие в себя работу с исторической памятью. Выявляются социокультурные основания отсутствия прогресса на пути нормализации грузино-российских отношений.

Ключевые слова: идентичность, баланс угроз, экономическая взаимозависимость, конструктивизм, социальный порядок, историческая политика, политические элиты, места памяти, Грузия, Россия.

Многочисленные социально-экономические и политические кризисы, ставшие частью процесса нациестроительства каждой из бывших республик СССР, обусловили диспропорциональную озабоченность последних вопросами идентичности и представления себя в истории (Jones, 2004, 83–110; Мелешкина, 2015, 231–239). Это обстоятельство частично объясняет, почему разнообразных версий концепции «национальных интересов» и «баланса сил», зачастую оказывается недостаточно для прогнозирования внешнеполитических шагов новых независимых государств (ННГ) постсоветского пространства.

В рамках настоящей статьи мы на основе дискурсивного анализа политики идентичности, проводимой властными элитами постсоветской Грузии, представим свою интерпретацию причин колебаний внешнеполитического курса официального Тбилиси, а именно — резких переходов от тотального охлаждения к налаживанию конструктивного взаимодействия с Москвой.

Подчеркнем, что политика идентичности определяется нами не в духе социологической парадигмы, т.е. в смысле *politics* — политической борьбы дискриминируемых групп за признание, в качестве *policy* — в рамках анализа политических сообществ, понимаемых как социальный конструкт. Соответственно, в фокусе настоящей статьи находятся не настроения широких народных масс, но представления грузинской политической элиты, поскольку именно последняя выступает основным «агентом политики идентичности» (Цумарова, 2012, 10–11).

Ограничения объяснительных возможностей школы реализма и либерального институционализма

Многонациональная Грузия граничит с Россией на севере и востоке, с Турцией и Арменией на юге, с Азербайджаном на юго-востоке, и фактически находится на стыке между Европой и Азией. Таким образом, объективных географических детерминант, которые бы вынудили ее придерживаться одного-единственного вектора во внешней политике, мы не обнаружим. Грузия могла бы позиционировать себя и как государство — лидер единого Кавказа, и как значимый игрок на постсоветском пространстве, и даже как часть Ближнего Востока.

Тем не менее, применительно к политике официального Тбилиси, реализм, даже подвергнутый ревизии, оказывается бессилён объяснить специфику балансирования или примыкания (от англ. — *bandwagoning*). Так, например, согласно Стивену Уолту, усовершенствовавшему теорию «баланса сил», балансирование — это всегда создание альянса против источника угрозы, в то время как примыкание подразумевает сближение с таковым. Сильные державы с большей вероятностью будут стремиться к проведению политики балансирования, в то время как стратегия малых государств, таких как Грузия, определит ряд дополнительных факторов: близость источника угрозы, агрессивность его намерений, возможность привлечения внешней поддержки и пр. (Walt, 1987). Как отмечает А.С. Скриба, для сторонников структурного реализма «поведение крупных государств является их осознанным выбором, в то время как политика малых стран полностью определяется внешними обстоятельствами» (Скриба, 2014, 351). Однако этот подход не помогает ответить на вопрос, почему Грузия не изменила прозападный вектор своей внешней политики после войны 2008 г., когда стала очевидной неготовность Запада играть балансирующую роль (Gvalia et al, 2013). Логичным ответом в духе неореализма было бы примкнуть к России, но этого не случилось.

Концепции экономической взаимозависимости также пасуют перед «кейсом Грузии». Например, после «винного скандала» 2006 г., когда Роспотребнадзор ввел запрет на поставки грузинского и молдавского вина в Россию, объяснив это повышенным содержанием в нем пестицидов, Тбилиси, в отличие от Кишинева, не пошел на переговоры, несмотря на зависимость от северного соседа¹. Эмбарго сняли только в 2013-м, а к началу 2019 г. Грузия (с долей 17% в нашем винном импорте) стала вторым поставщиком после Испании.

В августе 2018 г., комментируя российско-грузинские отношения в беседе с журналистом газеты «Коммерсантъ», Д.А. Медведев заявил: «За последние годы произошла существенная активизация торгово-экономического сотрудничества, туристического общения, самолёты летают, люди приезжают в Грузию отдыхать...

¹ По указанию главного санитарного врача России Г. Онищенко, Роспотребнадзор с 27 марта 2006 г. ввёл полный запрет на поставки и продажу в России вина и виноматериалов из Грузии и Молдавии, аргументировав это повышенным содержанием в этом вине пестицидов. Министерство сельского хозяйства Грузии заявило, что убытки в связи с этим решением составят десятки миллионов долларов. Бутилированное грузинское вино занимало примерно 10% российского рынка. В Россию направлялось около 80% экспортируемых Грузией вин. В связи с российским решением президент Грузии Михаил Саакашвили поручил министру обороны Ираклию Окруашвили возглавить кампанию по продвижению грузинских вин на других рынках. Тот признал, что «многие виноделы путём муклежа отправляли в Россию некачественное вино, которое не возьмут в Европе. Потому что Россия — это такой рынок, на котором можно продать даже фекальные массы». После министерского расследования было закрыто семь грузинских заводов, особо отличившихся в экспорте на российский рынок тех самых масс. Однако политические отношения все ухудшались. Так, Грузия — единственная из всех стран мира — выступила с вето на вступление России в ВТО. Цит. по: (Из вина — конфетку. 2006).

В конечном счёте, я надеюсь, это будет способствовать и нормализации политических контактов, и возобновлению полноценного диалога между Москвой и Тбилиси» (Интервью Дмитрия Медведева газете «Коммерсантъ», 2018). Однако оптимизм премьер-министра оказался преждевременным. Отношения Москвы и Тбилиси вновь обострились в середине июня 2019 г. после инцидента с участием президента Межпарламентской ассамблеи православия (МАП)², депутата Госдумы РФ С.А. Гаврилова. Провести 26-ю по счету ассамблею МАП в Тбилиси предложил теперь уже бывший председатель парламента Грузии Ираклий Кобахидзе — исполнительный секретарь партии «Грузинская мечта». Последняя была создана долларовым миллиардером Бидзиной Иванишвили, известным своими тесными связями с Россией. В начале заседания МАП С.А. Гаврилов (по предложению принимающей стороны) сел в кресло спикера грузинского парламента. Данное обстоятельство вызвало резкое недовольство оппозиционных депутатов «Единого национального движения» и «Европейской Грузии», заявивших, что не позволят представителю «страны-оккупанта» проводить заседание. Парламентарии этих партий покинули зал ассамблеи. Тем же вечером группа радикалов выступила против участия российских делегатов в сессии МАП. В Тбилиси начались беспорядки, в ходе которых пострадало свыше 240 человек — как со стороны протестующих, так и со стороны полиции. Около 300 были задержаны. Во время подготовки репортажа из столицы Грузии нападению националистов подверглась съёмочная группа телеканала «Россия-24». На фоне сложившейся ситуации Президент РФ подписал Указ о временном запрете с 8 июля российским авиакомпаниям осуществлять полеты в Грузию. В свою очередь, Минтранс объявил, что полеты грузинских авиакомпаний также будут приостановлены с этого же дня (МВД Грузии возбудило дело после нападения на журналистов «России 24», 2019).

Таким образом, по туристической отрасли Грузии, на которую *a propos* приходится значительная доля ВВП страны — около 8,1%, был нанесен не смертельный, но весьма ощутимый удар. В 2018 г. доход от туризма составил 3,2 млрд. дол. При этом россиян среди иностранцев было больше всех (16% в 2018-м, а к маю 2019-го — 18%) (Данные приводятся по: Яковлев, 2019). Если отнять от трех с лишним миллиардов 16%, получится 512 млн. дол. Потери могли оказаться и более существенными, если бы В.В. Путин поддержал предложение Госдумы РФ о введении санкций. На одном только экспорте в Россию Грузия в 2018 г. заработала 434 млн. дол. — это 13% от общего объема проданных за рубеж товаров, т.е. РФ для Грузии является ключевым торгово-экономическим партнером, при этом обратное утверждение — неверно.

Мало того, Грузия два года пыталась добиться проведения сессии МАП в Тбилиси, в том числе чтобы на форуме, объединяющем всех представителей мирового православия, поднять вопрос об оккупации своих территорий — непризнанных Абхазии и Южной Осетии — Российской Федерацией и добиться всеобщего православного осуждения этого действия (По России и православию: двойной удар националистов в Грузии, 2019). В итоге, мы стали свидетелями классической драмы унтер-офицерской вдовы, которая сама себя высекала.

² МАП – международная организация со штаб-квартирой в Греции, в которую входят православные парламентарии из более 20 стран. Ее основная функция – лоббировать законотворчество в интересах православия. Россия входит в МАП с 1994 г. и играет в ассамблее ключевую роль. Русский язык наряду с греческим, английским и арабским – официальный язык МАП, а депутаты двух стран, Греции и России, имеют постоянное членство в заседаниях секретариата МАП, которые проходят трижды в год.

При этом теории, выдержанные в духе популярных структурного реализма и либерального институционализма, не могут в полной мере объяснить причины, по которым в условиях очевидно неравновесного взаимодействия с Москвой рациональная логика вновь и вновь отказывает грузинским политическим элитам, и страна теряет деньги и дипломатические шансы, что называется, на ровном месте.

Объяснительный потенциал концепта идентичности в исследованиях внешней политики

В данном контексте нам представляется перспективной идея грузинского политолога Корнелия Какачиа и эксперта Свободного университета Берлина Саломе Минесашвили о целесообразности обращения в исследования внешнеполитического поведения малых государств к положениям либерального структурализма Эндрю Моравчика, гипотезе о совместимости «социальных порядков» Дэвида Скидмора и конструктивистским теориям (Kakachia, Minesashvili, 2015).

Использование части методологических наработок Э. Моравчика позволяет обнаружить фундаментальные истоки внешнеполитического выбора Грузии. Интересы государства, отраженные в его внешнеполитической стратегии, формируются постоянно меняющимися предпочтениями гражданского общества и выступают ведущим фактором, направляющим его внешнюю политику и дипломатию. Отметим, что с нашей точки зрения, вектор «меняющимся предпочтениям гражданского общества» все же задает политическая элита, как группа, контролирующая средства символического производства. Соответственно, комплексный анализ предпочтений государств в их социальной обусловленности, позволят спрогнозировать результаты межгосударственного взаимодействия (Moravcsik, 1997).

Важность учета типа общественного устройства (или социального порядка, от англ. — *social order*) при рассмотрении внешней политики государства подчеркивается в работах Дэвида Скидмора. Переосмысливая основные постулаты реализма, он утверждает, что «поведение государства — это функция интересов и целей, генерируемых более широкими социальными порядками, в которые государства погружены». Предпочтения государств социально конструируются в постоянно меняющейся среде. В рамках такого видения международная система предстает пространством конкурирующих социальных порядков. Национальные интересы структурируются «политическими режимами (институтами), доминирующими идеологическими системами (идеями) и системами экономического производства и распределения (социально-экономические интересы)» (Skidmore, 1997, 3–34). Степень совместимости национальных социальных порядков определяет характер межгосударственного взаимодействия акторов. С точки зрения, Д. Скидмора: «конфликт вытекает, в первую очередь, из качественного различия целей участников и несовпадения их представлений о наилучших национальном и международном порядках» (Skidmore, 1997, 165–186).

Хотя неолиберальные концепции фиксируют зависимость политического поведения государств от идейных структур, истоки последних в них не прослеживаются. И это та область, где конструктивизм может обогатить наш анализ через обращение к понятию идентичность, дихотомии «свой — чужой». Что именно государство считает своим интересом, зависит от его видения себя в истории в соотнесенности с представлениями об идентичности других стран (Jepperson et al., 1996). Аналогично, Э. Джонстон утверждает, что национальная идентичность

столь существенна при анализе внешнеполитического выбора страны, поскольку она конструируется в процессе определения собственного «Я» через противопоставление «Другому» (Johnston, 1995, 32–64).

Рассуждая о механизмах конструирования национальной идентичности, мы неизбежно обращаемся к таким классическим трудам, как «Нации и национализм» Эрнеста Геллнера, антологии «Изобретение традиции», составленной Эриком Хобсбаумом и Теренсом Рейнджером, а также монографии Бенедикта Андерсона «Воображаемые сообщества». В своем стремлении преодолеть недостатки примордиального подхода к определению нации они задавались вопросом, за счет чего абстрактная категориальная общность, состоящая из многих повседневно не связанных друг с другом людей, обретает объединяющее ее самосознание вместе со способностью определять и добиваться своих интересов (Дерлугьян, 2010). Таким образом, в числе иных факторов, ими была «высвечена» роль сознательного, целенаправленного конструирования исторических оценок прошлого государственными и около государственными институтами. В качестве исходной гипотезы в понимании исторической памяти нами принимается позиция Мориса Хальбвакса, положившего начало рассмотрению коллективных воспоминаний как общественного феномена, необходимого в социальной практике для выживания группы. При описании традиций и ритуалов новой грузинской государственности мы опираемся на концепцию «мест памяти» Пьера Нора.

В отечественной науке различные аспекты влияния идентичности на мотивацию субъектов политики, выбор ими форм и моделей политического поведения раскрываются в работах Д.В. Ефременко, И.В. Кудряшовой, О.Ю. Малиновой; Е.Ю. Мелешкиной, Е.В. Морозовой, И.Л. Прохоренко, И.С. Семененко, Е.Ю. Цумаровой и др. Гипотезы, высказанные этими авторами, и предлагаемые ими определения задают систему координат настоящего исследования.

Как отмечает И.С. Семененко, политика идентичности используется государством в качестве инструмента «выстраивания поля социальной коммуникации между носителями разных идейных позиций, политических убеждений и культурных предпочтений» (Семененко, 2011). Вслед за Е.Ю. Цумаровой выделим такие направления этой политики, как: символизация пространства; ритуализация принадлежности к сообществу; формирование представлений о «мы-сообществе» и установление границ «свой — чужой» (Цумарова, 2014). Отнесение себя к некой группе стран, разделяющих общие ценности и, соответственно, служащих воплощением определенного социального порядка, — необходимый этап построения национальной идентичности. Идеи могут влиять на внешнюю политику самыми разными способами: определять то, как лица, принимающие решения, интерпретируют ситуацию; структурировать сам процесс принятия решений и восприятие достигнутых результатов, цитируя Г. Гвалию и соавторов: «материальные интересы существенны, но идеи определяют содержание этого существенного» (Gvalia et al, 2013, 98–131).

Очертив круг концепций, полезных для объяснения противоречий грузино-российских отношений, подчеркнем важность сбалансированного подхода к формированию теоретико-методологической базы исследования. Как очень справедливо отметила одна из авторов издания «Международная жизнь» Хамса Хаддад Риад: «При рассмотрении внешней политики любого государства всегда следует помнить, что теории и относящиеся к ним выводы функционируют просто как средства в рамках инструментария для понимания каждого отдельно взятого уникального сценария» (Хаддад, 2017).

Интерпретация становления Грузии национальным государством в политике идентичности современных грузинских властей

На протяжении нескольких столетий территория современной Грузии представляла собой пространство соперничества великих держав: Восточной Римской империи, Византии, Османской империи, Персии. В 1554 г. в результате очередной войны между османами и сефевидским Ираном грузинские княжества оказались поделены между этими двумя исламскими государствами. Тогда основным маркером грузинской идентичности стала религия — приверженность христианству, принятому предками современных грузин в IV в.; а внешним «значимым Другим» (причем, «враждебным Другим») — мусульмане.

Российское же государство воспринималось как часть христианского мира, сильный региональный игрок, способный защитить народы Южного Кавказа от ассимиляции с персами и турками. Подтверждением тому служат многочисленные грамоты с просьбами о покровительстве, которые грузинские князья направляли русским царям, а позднее — российским императорам.

Вхождение Грузии в состав России было окончательно оформлено к 1828 г. Отметим, что территории, ставшие частью Российской империи, представляли собой автономные единицы, добровольно передавшие суверенитет в пользу последней (Дульян, 2008).

Таким образом, несмотря на присущие российскому государству автократические тенденции его покровительство воспринималось грузинской политической элитой как средство приобщения к западному миру и европейским ценностям. Мало того, управляемые одинаковыми законами, грузинские народности постепенно обрели черты единого народа и сформировалось то, чего в истории никогда не существовало — грузинская нация (Епифанцев, 2009). Показательно, что идеологами грузинского национализма 60-х гг. XIX в. были молодые дворяне, побывавшие в России и проникнувшиеся передовыми, т.е. европейскими идеями российского общества. Представителей этой группы называли «тергдалеули» — «испившие воду Терека».

Большевистская революция радикальным образом изменила отношение грузинских политических элит к России. Последняя более не считалась источником просвещения или же частью Европы. 26 мая 1918 г. Первое демократическое правительство Грузии во главе с Ноэ Жордания провозгласило независимость страны (Авалов, 2011).

Грузия 1918 г. выбрала для себя социально-демократические ценности и западный путь развития. Россия закономерно стала тем самым «враждебным Другим», в противостоянии с которым переопределялись границы грузинской идентичности. Так на место оппозиции «христианская Грузия против исламского мира» пришла другая — обладающая не меньшим мобилизационным потенциалом — «передовая европейская Грузия против архаичной коммунистической России».

Первая независимая республика просуществовала два с половиной года, в условиях постоянных внутренних и внешних вызовов.

7 мая 1920 г. Россия и Грузия подписали в Москве мирный и союзный договор. Тогда же Грузия легализовала на своей территории все большевистские организации, а 25 февраля 1921 г. части 11-й Красной армии вошли в Тифлис. 24 марта 1921 г. большевистское правительство распустило Учредительное Собрание Грузии и приняло на себя всю полноту власти. Так в Грузии была окончательно установ-

лена советская власть (Советизация Грузии или образование Грузинской СССР 25 февраля 1921 г., 2018).

В 1922 г. Грузии (в рамках Закавказской Федерации, представлявшей собой по сути конфедерацию из трех советских республик: Азербайджанской, Армянской и Грузинской) вошла в состав СССР, а в 1936 г. (после упразднения ЗСФСР) обрела статус одной из союзных республик СССР.

Грузинская ССР была переименована в «Республику Грузия» почти через 70 лет — такое решение принял Верховный Совет Грузии на первой сессии 14 ноября 1990 г. Изменения были внесены в Конституцию, однако националистическое движение возникло в стране еще в 1970-е гг.

1990-е гг. националистическими идеями была охвачена уже не только интеллигенция, но и все грузинское общество, при этом, как отмечает российский историк М.В. Кирчанов, национализм становился все более радикальным и этническим, конструировался образ врага, связанный с межэтническими и политическими конфликтами (Кирчанов, 2010, 17).

Активизация националистического тренда в грузинском обществе была, в частности, связана с процессами десоветизации и поиска новых государственных ориентиров.

Первым президентом новой независимой Грузии по итогам всенародных выборов, состоявшихся 26 мая 1991 г., стал Звиад Гамсахурдия (Вачнадзе и др., 1993). Риторика президента строилась на активном использовании следующих категорий: национальное единство, патриотизм, подтверждение исключительных прав грузинского народа на своей территории. По мнению политолога, бывшего министра науки и образования Гиа Нодия в период правления З. Гамсахурдия, главной задачей грузинского национализма являлась «независимость от России, <...> а все другие противники видятся лишь через призму этого основного противостояния» (Нодия, 1998). Соответственно, любое не лояльное официальному Тбилиси этническое меньшинство рассматривалось в качестве угрозы и пророссийского агента.

Новый период независимости Грузии начался с глубокого внутривнутриполитического кризиса, а также кризиса самоопределения нации. Смысловым ядром государство-образующего мифа стал нарратив о периоде независимости 1917–1921 гг. При этом вся история Грузии советского периода объявлялась самой мрачной и трагической эпохой, выпавшей на долю родной страны. В одном из первых своих выступлений З. Гамсахурдия заявил, что «наша страна оккупирована». Ни до, ни после Гамсахурдия не скрывал отношения к России как к оккупанту (Анчабадзе, 2003, 164).

В данном контексте показателен выбор национальной символики: был возвращен государственный флаг Демократической Республики Грузия 1918 г. — кизилового цвета с равновеликими черной и белой горизонтальными полосами в первой четверти. Цвета знамени отражали мифологические представления кавказско-иберийских народов о структуре мира, который состоит из верхнего — населенного божествами, птицами и фантастическими существами; среднего — обители людей, животных и растений; и нижнего — мира усопших. В грузинской мифологии всем этим трем мирам соответствуют белый, красный и черный цвета. В связи с революционными событиями начала XX столетия к указанным значениям прибавились новые: красный (кизиловый) стал символом революционных преобразований, белый — доброты и святости, черный — тьмы (Спаткай, 2017, 216). С распадом СССР и приходом к власти в Грузии националистически ориентированных элит этот список коннотаций расширился: кизилловый цвет стал трактоваться как символ

яркого прошлого страны и радости, чёрная полоса — явилась олицетворением трагического периода пребывания под русским управлением, а белая — обозначением надежд народа на мирное развитие нации (Сапрыков, 1997, 28). В выборе символики отразилось стремление руководства страны подчеркнуть независимость нового государства от Москвы, представив его наследником Демократической Республики Грузия, а также готовность порвать с советским прошлым.

Неприятие советской эпохи оказалось настолько сильным, что Верховный Совет, утверждая перечень новых государственных праздников Грузии, исключил из него не только 7 ноября, но и 9 мая, и это решение не вызвало практически никакой реакции общественности.

Впоследствии, пришедший к власти в 1992 г. Эдуард Шеварднадзе, попытался исправить ситуацию, предложив парламенту в канун 49-й годовщины со дня Победы вернуть празднику официальный статус, но депутаты большинством голосов отвергли обращение главы государства. Выражая сожаление по поводу данного решения, глава государства объяснил результат голосования тем, что «некоторые парламентарии по-иному понимают значение этих лет», так как считают, что «эти люди (грузины — бойцы Советской Армии) боролись не за Грузию, а за какую-то другую страну или за интересы другого строя». В данном случае президент четко зафиксировал закрепившийся в массовом сознании стереотип непринятия периода пребывания Грузии в составе СССР в качестве «своей», национальной истории.

Будучи политиком старой советской школы, Э. Шеварднадзе не смог окончательно порвать с Москвой, а попытался усидеть на двух стульях, лавируя между США и Россией. При нем Грузия вошла в СНГ (своеобразная благодарность за готовность Кремля воздержаться от поддержки этносепаратизма Абхазии и Южной Осетии), но также стала частью блока ГУАМ. Был подписан Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве с Россией, подкрепленный 25 соглашениями и договоренностями по различным вопросам экономического, военного и культурного сотрудничества двух стран и одновременно озвучены планы о вступлении в НАТО и начаты перевооружение и переподготовка грузинской армии в соответствии со стандартами альянса (Мурванидзе, 2009). Однако осенью 2003 г. в результате «революции роз» Э. Шеварднадзе был вынужден подать в отставку, и на смену ему пришел молодой радикально настроенный националист Михаил Саакашвили.

«Революцию роз» многие восприняли как новый водораздел истории Грузии, обозначивший «рождение нации» и начало иной исторической эпохи.

В области символической политики этот посыл был подкреплен переименованием Площади Республики в Площадь Розы, уничтожением Мемориала памяти грузинским солдатам, участвовавшим во Второй мировой войне. На месте монумента, созданного Мерабом Бердзенишвили в начале 1980-х гг., было построено новое здание парламента.

Ярким примером «изобретения традиции» в терминах Э. Хобсбаума стало формирование в Грузии культа Дня советской оккупации (25 февраля³), которому придается сакральное значение с точки зрения потерь, которые якобы понесла и продолжает нести грузинская государственность. В массовое сознание современного грузинского общества интегрирована формула, увязывающая понятие

³ Годовщина вторжения советских войск в Грузию (1921), за которым последовало включение республики в состав СССР.

«оккупация» с опытом нахождения Грузии в составе СССР, опытом, трактуемым в терминах «утраты государственного суверенитета и политической независимости». В 2006 г. в Тбилиси был открыт Музей советской оккупации, посвященный пребыванию республики в составе СССР, жертвам репрессий и антисоветским движениям, существовавшим в Грузии.

Тенденция противопоставления себя России, как историческому агрессору и оккупанту, обозначилась еще более явно после войны 08.08.08. В ответ на признание Москвой независимости Абхазии и Южной Осетии Грузия разорвала дипломатические отношения с Россией.

12 августа, когда Президент РФ заявил о завершении операции по принуждению Грузии к миру, грузины отмечали народный праздник Дидгороба, символизирующий значимость национального единства. В этот день в 1121 г. грузинский царь Давид Агмашенебели (Давид Строитель) одержал победу над армией тюрков-сельджуков в Дидгори. Царь заманил турок в узкое ущелье, где они не смогли воспользоваться своим численным превосходством, и разбил вражеское войско. В грузинском национальном нарративе особо подчеркивается, что благодаря борьбе Давида Строителя от нашествия полчищ тюрков-сельджуков были спасены не только соседние с Грузией страны, но и Европа, и именно с 1121 г. патриоты отсчитывают начало «золотого века» грузинской истории. М. Саакашвили в своих выступлениях в полной мере использовал символический капитал этого события, чтобы обосновать необходимость продолжения уже не военного, но политического сопротивления так называемой российской агрессии. Так, в частности, играя на созвучии имен, Саакашвили заявил, что «битва Грузии против России — это битва библейского царя Давида с Голиафом» (Безгина, 2018, 56).

Борьба за независимость и демократию определенно является «базовым повествовательным шаблоном» Грузии в терминах Джеймса Верча и Зураба Карумидзе. Одним из ключевых элементов исторической политики элит стало создание мест памяти, которые постоянно напоминают грузинскому обществу об агрессии, на протяжении десятилетий исходившей от России (Wertsch, Karumidze, 2009, 384).

Через два года после августовских событий на площади Героев в Тбилиси был открыт мемориал, посвященный тем, кто с оружием в руках отстаивал целостность Грузии, — погибшим в борьбе с Красной армией в 1921 г., в антисоветских восстаниях 1924 г., во время войны в Абхазии в 1992–1993 гг., и в ходе «пятидневной войны» 2008 г. в Южной Осетии. Монумент — т.н. Башня героев — представляет собой 48-метровую колонну из металла и органического стекла с высеченными на ней именами бойцов. Мемориал не только актуализирует застарелые травмы и подчеркивает преемственность освободительных движений Грузии, но и намекает на готовность народа к продолжению борьбы с «оккупантами» (Сартания, Биджоян, 2018).

21 июля 2010 г. парламент Грузии объявил 25 февраля днем советской оккупации («за» проголосовали 87 из 110 депутатов). В соответствующем постановлении, в числе прочего, упоминалось, что Россия продолжает оккупировать часть грузинской территории, удерживая свои войска в непризнанных Абхазии и Южной Осетии (Парламент Грузии утвердил день советской оккупации, 2010).

В сентябре 2010 г. приступила к работе госкомиссия «по установлению исторической правды во взаимоотношениях России и Грузии», созданная по инициативе М. Саакашвили. В качестве исходной точки выяснения перипетий межгосударственных отношений был взят Георгиевский трактат 1783 г. Однако недоумение

академического сообщества (даже антироссийски настроенных специалистов) вызвали крайне сжатые сроки, отведенные экспертам на предоставление заключения о 200-летнем периоде взаимодействия двух народов. Итоги «расследования» предполагалось представить к декабрю того же года, что превращало научный труд в подбор иллюстраций к уже согласованным выводам (Барамидзе, 2010).

Демонизация России стала для грузинской элиты удобным инструментом оправдания национальных неудач. Многие вслед за известным писателем и общественным деятелем Ревазом Мишвеладзе повторяли на все лады: «Двухсотлетнее господство России <...> отодвинуло нас назад на пути мировой политики» (Цит. по: Анчабадзе, 2003, 162). Представления значимой части интеллигенции выразил историк Давид Стуруа, констатирующий: «Всё, чем гордится сегодня цивилизованная Грузия, было, во-первых, задолго до Романовых, а затем уже — только после них» (Цит. по: Орлова, 2010).

Ещё более резкая критика звучит в адрес советского руководства. При этом в общественном сознании стойко удерживаются две мифологемы. Первая связана с идеей о том, что Грузия больше всего пострадала в годы советского тоталитаризма, вторая — с убежденностью в наличии у Кремля стратегии по расчленению единого территориально-государственного пространства республики и закладке разрушительных «мин» под её будущее развитие. Такими «минами» в Грузии считают автономные образования, существовавшие в рамках Грузинской ССР и в настоящее время превратившиеся в очаги сепаратизма. Институциональное оформление абхазской, аджарской и югоосетинской автономий рассматривается как совершенно неправомерное, не имеющее исторического обоснования, являющееся ярким примером антигрузинских происков большевиков. (Анчабадзе, 2003).

С уходом М. Саакашвили конституирующее для грузинской идентичности противопоставление себя России (воспринимаемой в качестве наследницы СССР со всеми его родовыми грехами) осталось.

Георгий Маргвелашвили (2013–2018) — первый в истории Грузии глава государства, который получил и передал бразды правления без революций и переворотов — неизменно отмечал объединяющий потенциал Дня оккупации для грузинского народа.

Так, в 2018 г., открывая XIV Международный форум «Сохранение мира и развития в изменчивом мире», он обратился с речью к бывшим и действующим лидерам разных стран, заявив: «...Важнейшим является то, чтобы всё называлось своим именем, агрессор — агрессором, оккупация — оккупацией, оккупационная линия — оккупационной линией, а не пограничной линией. Это те термины и слова, которые нас более сближают и создают наше единство и возможность создания лучшего будущего». Далее последовала череда благодарностей представителям западного сообщества — президенту Кальюлайд, президенту Дуда, президенту Киска и президенту Порошенко — «которые в течение последних дней с высшей трибуны ООН признают и называют соответствующими именами те события, которые нас беспокоят и тревожат — речь идет об оккупации и агрессии» (Маргвелашвили: Агрессор должен называться агрессором, оккупация — оккупацией, 2018).

Такое отношение разделяли и представители исполнительной власти: в 2018 г. на церемонии возложения венков к мемориалу юнкеров на Коджорской дороге премьер-министр Грузии Георгий Квирикашвили назвал 25 февраля самой трагической страницей в национальной истории: «Правление советского режима погубило демократическое развитие нашей страны, и его жертвой пали тысячи наших

соотечественников. Несмотря на это, идея свободы и стремление к независимости в нашем народе никогда не угасали. Сегодня Грузия — независимая демократическая страна, хотя часть ее пока остается оккупированной. Мы никогда не смиримся с оккупацией и используем все мирные рычаги для объединения нашей страны» (Грузия отмечает «День советской оккупации», 2018).

Нынешний президент Грузии Саломе Зурабишвили также не сильно отклоняется от «магистральной линии партии». Сразу после июльских демонстраций она обвинила в организации беспорядков Москву, назвав Россию врагом и оккупантом. Но когда В.В. Путин подписал Указ о приостановке авиасообщения с Грузией с 8 июля, ей пришлось ретироваться с заявлениями о необходимости снижения напряженности. Однако параллельно призывам к деэскалации конфликта она дала интервью изданию Deutsche Welle, в котором пять раз обвинила Россию в оккупации Абхазии и Южной Осетии (Президент Грузии в одном интервью пять раз обвинила Россию в оккупации, 2019). Помимо этого, в беседе с журналистами грузинской службы «Голоса Америки» в Тбилиси, лидер страны подчеркнула: «Несмотря на оккупированные территории и ... постоянное, каждодневное давление с захватом заложников, с гуманитарным давлением на население с обеих сторон линии оккупации, это не стало победой для России, потому что Грузия продолжает проводить свою линию и по-прежнему твердо намерена вступить в ЕС и НАТО». По ее убеждению, «перспективой Грузии всегда была Европа», и это не новость, так как «не было новым и в прошлом веке» (Зурабишвили: Российская оккупация не сломала волю Грузии к вступлению в ЕС и НАТО, 2019).

Как отмечает И.Л. Прохоренко, идеи и представления, порой мифологизированные, о сложившемся и/или желаемом миропорядке, о месте и роли государства в мире, о его реальных и потенциальных союзниках и врагах формируют внешнеполитическую идентичность национального образования (Прохоренко, 2017). Применительно к Грузии, мы можем констатировать, что наивысшим проявлением суверенитета страны для правящих элит стало максимальное дистанцирование от бывшей метрополии — России (Рцхиладзе, 2007), вкпе с приближением к Европе. И в данном случае дегуманизация образа России является частью политики идентичности властей, призванной вписать Грузию в пространство мира Запада.

Институциональное оформление идеи «европейскости» Грузии

С середины 1990-х гг. стремление к европейской интеграции определяло грузинский политический дискурс. Развитие отношений с европейскими структурами, включая вхождение Грузии в Совет Европы в 1999 г., интерпретировалось как «возвращение» в родное социокультурное пространство (Beacháin et al., 2014). Эти настроения наилучшим образом выразил бывший премьер-министр Грузии (2003–2005) Зураб Жвания, заявивший: «Я — грузин, и, следовательно, я — европеец» (Цит. по: Kakachia, Minesashvili, 2015: 174).

27 июня 2014 г. в Брюсселе было подписано соглашение об ассоциации Грузии с Евросоюзом, неотъемлемой частью которого является соглашение об углубленной и всеобъемлющей зоне свободной торговли. Премьер-министр Грузии Иракли Гарибашвили на церемонии подписания соглашения об ассоциации с ЕС отметил: «Грузия получает исторический шанс вернуться в свою естественную среду — Европу — и ее политическое, экономическое и культурное пространство, от которого она была искусственно оторвана на протяжении долгого времени» (Ахметели, 2014).

С 28 марта 2017 г. граждане Грузии могут осуществлять безвизовые поездки в Шенгенскую зону.

Грузия активно участвует в региональных программах, предназначенных для всех стран-участниц Восточного партнерства. Сюда входят программа EU4Energy⁴, которая пришла на смену программе INOGATE⁵ и поддерживает страну в процессе присоединения к Энергетическому сообществу. Речь также идет о Программе приграничного сотрудничества (Грузия участвует в программе «Черное море») и масштабных региональных программах по обеспечению транспортной безопасности и развитию транспортной сети, по охране окружающей среды, изменению климата и «зеленой» экономике, по энергетической безопасности, возобновляемым источникам энергии и энергоэффективности.

Сразу же после боевых действий в августе 2008 г. ЕС развернул в стране свою гражданскую миссию наблюдателей (Отношения ЕС — Грузия, 2019).

В конце декабря 2016 г. парламент Грузии принял очередную резолюцию, которая вновь определила основные направления внешней политики страны. Согласно данному документу, вступление в Евросоюз и НАТО называется безальтернативным приоритетом (Грузия утвердила стратегию по противостоянию «российской пропаганде», 2017).

Отметим, что институциональное оформление отношений Грузии с НАТО началось в 1994 г.: страна стала участницей программы «Партнерство ради мира». В 2011 г. Грузия получила статус «страны — аспиранта НАТО», а в 2014 г. на саммите в Уэльсе был утвержден пакет мер, содействующих Грузии в ее стремлении к членству в альянсе.

Некоторую заикленность элит на теме взаимодействия с Евросоюзом хорошо описал Александр Рондели, заметивший, что «усилия грузин по интеграции своей страны в европейские структуры зачастую выглядят стратегическим идеализмом, который противоречит аргументам из области геополитики и даже просто здравому смыслу» (Kakachia, Minesashvili, 2015, 176). Так, например, уверенность в том, что Соглашение об ассоциации с ЕС стало победой Грузии, несколько меркнет, когда мы вспоминаем, что пятидесятилетие со дня заключения аналогичного Соглашения уже «справила» Турция, а «воз и ныне там». Экспорт в страны Евросоюза, росший хорошими темпами с 2014 г., выдохся. В 2018 г. наблюдалась стагнация, и даже было зафиксировано снижение экспорта в ЕС на 11% по итогам первых двух месяцев 2019 г. Основные экспортные товары Грузии — вино, медные руды, ферросплавы, легковые автомобили, плодоовощная продукция — мало востребованы на европейском рынке. Ассортимент той продукции, которая сейчас производится в Грузии, крайне узок. Страна становится местом притяжения европейских дауншифтеров, однако собственное работоспособное население активно мигрирует. Количество эмигрантов из Грузии в 2018 г. составило 98 935 человек, что на 13 484 тыс. больше

⁴ EU4Energy – новая инициатива Европейского союза, цель которой заключается в поддержке разработки энергетической политики, основанной на фактических данных, в шести странах региона Восточного Партнерства (ВП): Армении, Азербайджане, Беларуси, Грузии, Молдове и Украине. Основными задачами являются содействие странам-партнерам в снижении их энергозависимости и энергопотребления, повышение стабильности и предоставление новых возможностей для внедрения эффективной низкоуглеродной экономики для улучшения благосостояния граждан.

⁵ INOGATE (англ. INterstate Oil and GAs Transportation to Europe – Иногейт) – программа международного сотрудничества в энергетической сфере между Европейским союзом, причерноморскими и прикаспийскими государствами, а также соседними с ними странами.

по сравнению с 2017 г. Таковы данные Национальной службы статистики Грузии (Число эмигрантов из Грузии за год увеличилось на 13 тысяч, 2019). Если до настоящего времени причина сокращения численности населения была связана с сокращением рождаемости и ростом смертности, то теперь ко всему этому добавилась и трудовая миграция (Почему сокращается население в Грузии, 2018).

Однако «на постсоветском пространстве найдется немного государств, которые могли бы сравниться с Грузией в решительности, с которой она стремится построить политическую систему *западного* (выделено мной. — А.П.) образца» (Стронски, Вриман, 2018). То есть в основе самоидентификации государства лежит восприятие себя *исключительно* в качестве европейской державы.

Заключение

Строительство новых государств на постсоветском пространстве сопровождалось интенсивным поиском национальной идентичности, предполагающим переосмысление исторического прошлого и формирование новых, соответствующих изменившейся политической конъюнктуре нарративов. Суверенные республики, образовавшиеся после распада СССР, охватила волна исторического ревизионизма. Опорным столпом идентичности большей части лимитрофных новообразованных государств стало противопоставление себя России. Так, в частности, проведенный экспертами российского Центра общественных технологий в 2008–2009 гг. анализ 187 школьных учебников истории и учебных пособий 12 стран бывшего Советского Союза показал, что, за исключением Республики Беларусь и Армении, все остальные пошли по пути преподнесения подрастающему поколению националистической трактовки истории, основанной на мифах о древности своего народа, «заключенном враге» и высокой культурной миссии предков⁶. При этом роль заключенного врага зачастую отводилась РФ. И Грузия, обладавшая (с точки зрения последовательных приверженцев структурного реализма) большим количеством вариантов выбора геостратегической ориентации, чем те же страны Прибалтики, также пошла по проторенной большинством постсоветских республик «дороге памяти» (Освещение общей истории России и народов постсоветских стран в школьных учебниках истории новых независимых государств, 2009).

Проведенное исследование позволяет нам подтвердить диагноз М.В. Кирчанова, констатировавшего, что для властных элит Грузии основными элементами в конструировании национальной идентичности стали: возрождение идей средневековой Великой Грузии при полном отрицании позитивного российского влияния на нее; идеализация Первой республики; культивирование травмы советско-российской оккупации; позитивный миф о национальном движении (Kyrchanoff, 2017). Дополним, что краеугольным камнем элитарного проекта коллективной памяти страны стали именно травма и жестокость России как «враждебного Другого», оттеснившие на задний план эпизоды героизма и триумфа грузинского народа. В данном контексте представляется важным подчеркнуть, что в условиях недоступности реального исторического опыта и необходимости иметь дело с образами про-

⁶ Исследование стало частью проекта «Формирование у молодежи неконфронтационных, интеграционных взглядов на историю в России и странах постсоветского пространства». Были проанализированы учебники следующих стран: Азербайджана, Армении, Республики Беларусь (РБ), Грузии, Казахстана, Кыргызстана, Латвии, Литвы, Молдовы, Узбекистана, Украины и Эстонии. За пределами рассмотрения остались Таджикистан и Туркмения.

шлого, созданными средствами массовой информации, возникает ситуация, при которой репрезентация событий в СМИ превращается в отдельный социальный факт. Причем, последний зачастую оказывает большее влияние на общество, чем реальные исторические процессы (Alexander, 2001).

На сегодняшний день ядро самоидентификации Грузии составляет понимание себя как европейской державы. Оно же служит своеобразным билетом на поезд евроатлантической интеграции, которая вот уже два десятилетия остается приоритетом для властей государства. Соответственно, при всех обусловленных пренебрежением Россией рисках Грузия не готова к комплиментаризму во внешней политике.

Связав идеи Э. Моравчика и Д. Скидмора с тезисом о том, что в основе процесса идентификации лежит разделение на «свой — чужой», мы можем предположить, что для Грузии одним из важнейших измерений чужеродности России выступает несовместимость форм общественного устройства и векторов развития гражданского общества.

Безоговорочное предпочтение Запада основывается в числе прочего на представлении о нем, как об источнике свободы и демократии. Таким образом, обоснование необходимости евроинтеграции подается как проявление заботы о национальной безопасности, ведь «демократические государства не враждуют друг с другом». В русле этой логики российско-грузинский конфликт преподносится как конфликт ценностный, часть более широкого фронта борьбы Запада с авторитарными недемократическими политиями. Закрепление подобной интерпретации в массовом сознании опасно тем, что ценностно-мировоззренческий конфликт воспринимается как практически неразрешимый, что самым негативным образом отражается на готовности оппонентов вернуться к какому-либо сотрудничеству.

Пока это выглядит как элитарный проект, однако инфраструктура поддержания политики идентичности, в основе которой лежит представление о России как о «враждебном Другом», уже создана, и потому можно прогнозировать, что в среднесрочной перспективе «низы» солидаризируются с «верхами». Ведь, как отмечается в конструктивистских концепциях ТМО, «социальные угрозы создаются, а не рождаются» (Wendt, 1999), а негативный образ России уже закрепился в «местах памяти» — мемориалах, праздниках, годовщинах, музеях и т.п.

Отношение среднестатистического гражданина Грузии к России не коррелирует с политическим разделением на «левых» и «правых», а определяется тем, считает ли он свою страну органичной частью западного мира. В данном случае обеспокоенность Москвы должен вызывать не факт проевропейской ориентации Грузии, а то, что эта ориентация начинает рассматриваться как несовместимая с поддержанием партнерского взаимодействия с сегодняшней Россией.

Библиографический список

- Авалов, З. (2011). *Присоединение Грузии к России*. М.: Вече.
- Анчабадзе, Ю. Д. (2003). Национальная история в Грузии: мифы, идеология, наука. В К. Аймермахер, Г. Бордюгов (ред.) *Национальные истории в советском и постсоветских государствах*. М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XX.
- Ахметели, Н. (2014). ЕС вызывает у Грузии положительные ассоциации. *BBC*. Режим доступа https://www.bbc.com/russian/international/2014/06/140626_georgia_eu_reaction
- Барамидзе, И. (2010). Комиссия правды. *Новые известия*. Режим доступа https://newizv.ru/news/world/16-09-2010/133342-komissija-pravdy?id=133342-komissija-pravdy&ind=1&published_date=16-09-2010&rubric=world&type=NewsItem

- Безгина, Д. Ю. (2018). Историческая политика в современной Грузии: консолидация общества через противопоставление внешнему врагу. *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература*, 3, 50–58.
- Вачнадзе, М., Гурули, В., Бахтадзе, М. (1993). История Грузии (с древнейших времен до наших дней). Режим доступа [http://www.e-reading.by/bookreader.php/4682/Bahtadze,_Vachnadze,_Guruli_-_Istoriya_Gruzii_\(s_drevneiishih_vremen_do_nashih_dnei\).html](http://www.e-reading.by/bookreader.php/4682/Bahtadze,_Vachnadze,_Guruli_-_Istoriya_Gruzii_(s_drevneiishih_vremen_do_nashih_dnei).html).
- Грузия отмечает «День советской оккупации». (2018). *Regnum*. Режим доступа <https://regnum.ru/news/polit/2384011.html>
- Грузия утвердила стратегию по противостоянию «российской пропаганде». (2017). *EADaily*. Режим доступа <https://eadaaily.com/ru/news/2017/04/13/gрузия-utverdila-strategiyu-protivostoyaniyu-rossiyskoj-propagande>
- Дерлугьян, Г. (2010). *Адепт Бурдые на Кавказе. Эскизы к биографии в миросистемной перспективе*. М.: Издательский дом «Территория будущего».
- Дульян, А. Г. (2008). Как Грузия, Абхазия и Осетия вошли в Российскую империю? *Международная жизнь*. Режим доступа <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1618>
- Епифанцев, А. (2009). Была ли Грузия союзником России? Политическая модель выживания грузинского государства. *APN*. Режим доступа <https://www.apn.ru/?newsid=21261>
- Зурабишвили: Российская оккупация не сломала волю Грузии к вступлению в ЕС и НАТО. (2019). *Голос Америки*. Режим доступа <https://www.golos-ameriki.ru/a/georgian-president-decadelong-russian-military-occupation-a-failure/4898761.html>
- Из вина — конфетку (2006). *Аргументы и факты*. Режим доступа <http://www.aif.ru/archive/1659458>
- Интервью Дмитрия Медведева газете «Коммерсантъ» (2018). *Официальный сайт правительства России*. Режим доступа <http://government.ru/news/33568/>
- Кирчанов, М. В. (2010). Основные направления радикализации грузинского национализма (начало 1990-х-середина 2000-х гг.). *Гуманитарные и социальные науки*, 6, 27–37.
- Маргвелашвили: Агрессор должен называться агрессором, оккупация — оккупацией. (2018). *Грузия Online*. Режим доступа <https://www.apsny.ge/2018/conf/1538159438.php>
- МВД Грузии возбудило дело после нападения на журналистов «России 24». (2019). *RBC*. Режим доступа <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5d0e605f9a79472cdd0d6c6f>
- Мелешкина, Е. Ю. (2015). Формирование государств и наций на постсоветском пространстве. В Р.Г. Абдулатипова, А.-Н. З. Дибирова (ред.) *Российский Кавказ: проблемы, поиски, решения* (с. 231–240). М.: Аспект Пресс.
- Мурванидзе, Б. Ю. (2009). Внешнеполитические ориентиры Грузии в период президентства Эдуарда Шеварднадзе. *Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки*, 3, 119–122.
- Нодиа, Г. (1998). Конфликт в Абхазии: национальные проекты и политические обстоятельства. В Б. Коппитекса, Г. Нодиа, Ю. Анчабадзе (ред.) *Грузины и абхазы. Путь к примирению*. М.: изд-во «Весь мир». Режим доступа: http://poli.vub.ac.be/publi/Georgians/russian/pdf/02_Nodia.pdf
- Орлова, И. Б. (2010). Этнизация исторического знания. *Москва*. Режим доступа http://moskvam.ru/publications/publication_334.html
- Данилов, А. А., Филиппов, А. В. (ред.) (2009). *Освещение общей истории России и народов постсоветских стран в школьных учебниках истории новых независимых государств*. М.: ГК: НЛВП. Режим доступа http://nlvp.ru/reports/doclad_hist_02_light.pdf
- Отношения Грузии и НАТО развиваются (2019). *Sputnik*. Режим доступа <https://sputnik-georgia.ru/trend/gruzia-nato/>
- Отношения ЕС-Грузия. Справочный материал (2019). Режим доступа https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage_ru/26617/%D0%9E%D1%82%D0%BD%D0%BE%D1%88%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F%20%D0%95%D0%A1-%D0%93%D1%80%D1%3%D0%B7%

- D0%B8%D1%8F.%20%D0%A1%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%BE%D1%87%D0%BD%D1%8B%D0%B9%20%D0%BC%D0%B0%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%B8%D0%B0%D0%BB
Парламент Грузии утвердил день советской оккупации (2010). *Lenta.ru*. Режим доступа <https://lenta.ru/news/2010/07/21/day1/>
- По России и православию: двойной удар националистов в Грузии (2019). *EADaily*. Режим доступа <https://eadaily.com/ru/news/2019/06/21/po-rossii-i-pravoslaviiyu-dvoynoy-udar-nacionalistov-v-gruzii>
- Почему сокращается население в Грузии (2018). *Sputnik Georgia*. Режим доступа <https://sputnik-georgia.ru/society/20180521/240549949/Pochemu-sokrashhaetsja-naselenie-v-Gruzii.html>
- Президент Грузии в одном интервью пять раз обвинила Россию в оккупации (2019). *Lenta.ru*. Режим доступа <https://lenta.ru/news/2019/07/12/salome/>
- Президент Грузии выступила за сохранение турпотока из России (2019). *Sputnik*. Режим доступа <https://sptnkne.ws/ryum>
- Прохоренко, И. Л. (2017). Внешнеполитическая идентичность. В И. С. Семененко (ред.) *Идентичность: Личность, общество, политика* (с. 465–469). М.: Изд-во «Весь мир».
- «Российская оккупация» не изменит курс Грузии — Зурабишвили. (2019). *EADaily*. Режим доступа <https://eadaily.com/ru/news/2019/03/12/rossiyskaya-okkupaciya-ne-izmenit-kurs-gruzii-zurabishvili>
- Рцхиладзе, Г. (2007). *Государственный суверенитет в политическом мышлении и практике Грузии*. Режим доступа <http://psibook.com/philosophy/gosudarstvennyu-suverenitet-v-politicheskom-myshlenii-i-praktike-gruzii.html>
- Сапрыков, В. (1997). Символика Грузии. *Наука и жизнь*, 12, 36.
- Сартания, К., Биджоян, Т. (2018). *Политика памяти: Ландшафт памяти в постсоветском Тбилиси*. Режим доступа <https://cacasusedition.net/ru/memory-politics-the-post-soviet-memory-landscape-in-tbilisi/>
- Семененко, И. С. (2011). Политическая идентичность в контексте политики идентичности. *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*, 2(7), 5–24. Режим доступа <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskaya-identichnost-v-kontekste-politiki-identichnosti>
- Скриба, А. С. (2014). Реализм и политика малых государств в XXI в. *Политика и общество*, 3, 347–357. DOI: 10.7256/1812–8696.2014.3.9508
- Советизация Грузии или образование Грузинской СССР 25 февраля 1921 г. (2018). *Sputnik*. Режим доступа <https://sputnik-georgia.ru/politics/20180225/239445115/Sovetizacija-Gruzii-ili-obrazovanie-Gruzinskoj-SSR-25-fevralja-1921-goda.html>
- Спаткай, Л. (2017). *Гербы и флаги стран мира. Азия*. Минск: Амалфея.
- Стронски, П., Вриман, А. (2018). Независимой Грузии двадцать пять лет: в сложном положении. *Московский Центр Карнеги*. Режим доступа <https://carnegie.ru/2018/03/01/ru-pub-75652>
- Хаддад, Х. (2017). Теория международных отношений и «Новый Ближний Восток». *Международная жизнь*. Режим доступа <https://interaffairs.ru/news/show/18105>
- Цумарова, Е. Ю. (2014). *Политика идентичности в регионах России: теоретический и практический аспекты (на примере Республики Карелия)* (Кандидатская диссертация). СПб.
- Цумарова, Е. Ю. (2012). Политика идентичности: politics или policy? Вестник Пермского университета. *Политология*, 2, 5–16.
- Число эмигрантов из Грузии за год увеличилось на 13 тысяч (2019). *EADaily*. Режим доступа <https://eadaily.com/ru/news/2019/04/30/chislo-emigrantov-iz-gruzii-za-god-uvelichilos-na-13-tys>
- Яковлев, А. Сколько денег приносит Россия грузинской экономике? *Взгляд*. Режим доступа <https://vz.ru/question/2019/7/2/985189.html>
- Alexander, J. C. (2001). On the Social Construction of Moral Universalism: The «Holocaust» from War Crime to Trauma Drama. *European Journal of Social Theory*, 5(1), 5–85.

- Beacháin, D., Coene, F. (2014). Go West: Georgia's European Identity and its Role in Domestic Politics and Foreign Policy Objectives. *Nationalities papers*, 42, 923–941. DOI: 10.1080/00905992.2014.953466
- Gvalia, G., Siroky, D., Lebanidze, B., Iashvili Z. (2013). Thinking Outside the Bloc: Explaining the Foreign Policies of Small States. *Security studies*, 22, 98–131.
- Hobsbawm, E. Ranger, T. (1992). *The Invention of Tradition*. Cambridge Univ. Press, Cambridge.
- Jepperson, R., Wendt, A., Katzenstein, P. J. (1996). Norms, Identity and Culture in National Security. In P. J. Katzenstein (Ed.) *The Culture of National Security: Norms and Identity in World Politics*. N.Y.: Columbia Univ. Press.
- Johnston, A. I. (1995). Thinking About Strategic Culture. *International security*, 19, 32–64.
- Jones, S. (2004). The Role of Cultural Paradigms in Georgian Foreign Policy. In R. Fawn (Ed.) *Ideology and National Identity in Post-Communist Foreign Policies* (pp. 83–110). L.: Frank Cass.
- Kakachia, K., Minesashvili, S. (2015). Identity Politics: Exploring Georgian Foreign Policy Behavior. *Journal of Eurasian studies*, 6, 171–180.
- Kyrchanoff, M. (2017). *Politics of Memory as Historical Politics in Georgia: From Desovietisation to the Invention of the Sovietness*. Retrieved from http://georgiamonitor.org/upload/kyrchanoff_vsu_mgimo_2017_engl.pdf
- Moravcsik, A. (1997). Taking Preferences Seriously: A Liberal Theory of International Politics. *International organization*, 4, 513–553.
- Skidmore, D. (1997). Introduction: Bringing Social Orders Back...Rethinking Realist Interpretations of the Cold War: Balance of Power or Competing Social Orders? In D. Skidmore (Ed.) *Contested Social Orders and International Politics*. Nashville, TN: Vanderbilt Univ. Press.
- Walt, S. M. (1987). *The Origins of Alliances*. Ithaca, NY: Cornell Univ. Press.
- Wendt, A. *Social Theory of International Politics*. N.Y.: Cambridge Univ. Press, 1999.
- Wertsch, J. V., Karumidze, Z. (2009). Spinning the Past: Russian and Georgian Accounts of the War of August 2008. *Memory Studies*, 3, 377–391.

Статья поступила в редакцию 01.08.2019

Статья принята к публикации 24.08.2019

Для цитирования: Пономарева А.М. Репрезентация образа России в политике идентичности властных элит постсоветской Грузии. — Южно-российский журнал социальных наук. 2019. Т. 20. № 3. С. 106–126.

THE IMAGE OF RUSSIA IN THE IDENTITY POLICY OF POST — SOVIET GEORGIA'S ELITES

A. M. Ponamareva

Anastasia M. Ponamareva, Moscow State University M.V. Lomonosov, Lenin Hills, 1, Moscow, 119991, Russia. E-mail: amponamareva@fmp.msu.ru.
ORCID 0000-0001-6585-4558

Abstract. The paper analyzes the dynamics of Georgia's interaction with Russia to demonstrate the limitations of the explanatory potential of the classical concepts of international relations theory (IRT) in predicting foreign policy tactics of smaller states, and to substantiate the appropriateness of addressing to the identity concept and to the theory of constructivism. The aim of the research is to find out why potential advantages of mutually beneficial economic and diplomatic cooperation fail to stop regular anti-Russian attacks of Georgia's political leadership. To answer the question, the author takes the following steps: 1) singles out the concepts of IRT that provide a useful toolset in demonstrating the role of national identity in foreign policy; 2) gives a concise description of identity policy in independent Georgia while concentrating on its key elements; 3) determines what institutional decisions support the idea of Georgia's original "Europeanism", and whether it will admit to maintain

partnership with Moscow. The author traces, along historical lines, the transformation of the image of Russia from 'significant' to 'hostile Other' in the identity politics of Georgian elites. The machinery of creating the image of 'we-community' and establishing the distinction between Us and Them, all of them based on historical memory, is disclosed. In addition, socio-cultural foundations to account for the lack of progress on the way of normalizing Georgian-Russian ties are revealed.

Key words: identity, balance of threat, economic interdependence, constructivism, social order, historical memory policy, political elites, places of memory, Georgia, Russia.

DOI: 10.31429/26190567-20-3-106-126

References

- Agressor dolzhen nazyvat'sia agressorom, okkupatsiia — okkupatsiei* [It's Time to Call a Spade a Spade: An Aggressor is the Aggressor and an Occupation is the Occupation]. (2018). Retrieved from <https://www.apsny.ge/2018/conf/1538159438.php>
- Alexander, J. C. (2001). On the Social Construction of Moral Universalism: The "Holocaust" from War Crime to Trauma Drama. *European Journal of Social Theory*, 5(1), 5–85.
- Anchabadze, Yu. D. (2003). Natsional'naia istoriia v Gruzii: mify, ideologiya, nauka [National History in Georgia: Myths, Ideology, Science]. In K Aimermakher G Bordiugov (Eds.) *Natsional'nye istorii v sovetskom i postsovetskikh gosudarstvakh* [National History in Soviet and Post-Soviet States]. M.: Fond Fridrikha Naumanna AIRO-KHKH.
- Avalov, Z. (2011). *Prisoedinenie Gruzii k Rossii* [Georgia's Accession to Russia]. M.: Veche.
- Baramidze, I. (2010). Komissiya pravdy [Truth Commission]. *Novye Izvestia* [Novye Izvestia]. Retrieved from https://newizv.ru/news/world/16-09-2010/133342-komissiya-pravdy?id=133342-komissiya-pravdy&ind=1&published_date=16-09-2010&rubric=world&type=NewsItem
- Beacháin, D., Coene, F. (2014). Go West: Georgia's European Identity and its Role in Domestic Politics and Foreign Policy Objectives. *Nationalities papers*, 42, 923–941. DOI: 10.1080/00905992.2014.953466
- Bezgina, D. Yu. (2018). Istoricheskaya politika v sovremennoi Gruzii: konsolidatsiya obshchestva cherez protivopostavlenie vneshnemu vragu [Modern Georgia's Policy in the Sphere of History. Consolidation of the Society through Opposition to Enemy Without]. *Sotsial'nye i humanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura* [Social and Humanitarian Sciences. Domestic and Foreign Literature], 3, 50–58.
- Chislo emigrantov iz Gruzii za god uvelichilos' na 13 tysyach [The Number of Emigrants in Georgia Has Increased by 13 000 over the Year] (2019). *EADaily* [EADaily]. Retrieved from <https://eadaily.com/ru/news/2019/04/30/chislo-emigrantov-iz-gruzii-za-god-uvelichilos-na-13-tys>
- Danilov, A. A., Filippov A. V. *Osveshchenie obshchei istorii Rossii i narodov postsovetskikh stran v shkol'nykh uchebnikakh istorii novykh nezavisimyykh gosudarstv* [The Way General History of Russia and the Peoples of its Former Soviet Republics is Covered in School History Textbooks in the New Independent States]. M.: GK: NLVP. Retrieved from <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/80679646>
- Derlug'yan, G. (2010). *Adept Burd'e na Kavkaze. Eskizy k biografii v mirosistemnoy perspective* [Bourdieu's Adherent in the Caucasus. Sketches to World-System Biography]. M.: Izdatel'skii dom "Territoriia budushchego".
- Dul'yan, A. G. (2008). Kak Gruzii, Abkhazii i Osetii voshli v Rossiiskuiu imperiiu? Mezhdunarodnaya zhizn' [How Georgia, Abkhazia and Ossetia joined the Russian Empire?]. *Mezhdunarodnaya zhizn'* [International Affairs]. Retrieved from <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1618>
- Epifancev, A. (2009). Byla li Gruzii soizuznikom Rossii? Politicheskaya model' vyzhivaniia gruzinskogo gosudarstva [Was Georgia really Russia's Ally? Georgia's Political Model of Survival]. *APN* [APN]. Retrieved from <https://www.apn.ru/?newsid=21261>
- Gruzii otmechaet "Den' sovetskoi okkupatsii" [Georgia Commemorates 'Soviet Occupation Day']. (2018). *Regnum* [Regnum]. Retrieved from <https://regnum.ru/news/polit/2384011.html>

- Gruzii utverdila strategiiu po protivostoianiiu "rossiiskoi propagande" [Georgia Confirmed Its Strategy to Oppose Russian Propaganda] (2017). *EADaily* [EADaily]. Retrieved from <https://eadaily.com/ru/news/2017/04/13/gruziya-utverdila-strategiyu-po-protivostoyaniyu-rossiyskoy-propagande>
- Gvalia, G., Siroky, D., Lebanidze, B., Iashvili Z. (2013). Thinking Outside the Bloc: Explaining the Foreign Policies of Small States. *Security studies*, 22, 98–131.
- Haddad, H. (2017). Teoriia mezhdunarodnykh otnoshenii i "Novyi Blizhnii Vostok" [International Relations and "The New Middle East"]. *Mezhdunarodnaia zhizn'* [International Affairs]. Retrieved from <https://interaffairs.ru/news/show/18105>
- Hobsbawm, E. Ranger, T. (1992). The Invention of Tradition. Cambridge Univ. Press, Cambridge.
- Iz vina — konfetku [How to Turn Wine into Gold]. (2006). *Argumenty i fakty* [Arguments and Facts]. Retrieved from <http://www.aif.ru/archive/1659458>
- Iakovlev, A. *Skol'ko deneg prinosit Rossiia gruzinskoi ekonomike?* [How Much Money does Russia Bring to the Economy of Georgia?] (2019). Retrieved from <https://vz.ru/question/2019/7/2/985189.html>
- Jepperson, R., Wendt, A., Katzenstein, P. J. (1996). Norms, Identity and Culture in National Security. In P. J. Katzenstein (Ed.) *The Culture of National Security: Norms and Identity in World Politics*. N.Y.: Columbia Univ. Press.
- Johnston, A. I. (1995). Thinking About Strategic Culture. *International security*, 19, 32–64.
- Jones, S. (2004). The Role of Cultural Paradigms in Georgian Foreign Policy. In R. Fawn (Ed.) *Ideology and National Identity in Post-Communist Foreign Policies* (pp. 83–110). L.: Frank Cass.
- Kakachia, K., Minesashvili, S. (2015). Identity Politics: Exploring Georgian Foreign Policy Behavior. *Journal of Eurasian studies*, 6, 171–180.
- Kirchanov, M. V. (2010). Osnovnye napravleniya radikalizatsii gruzinskogo nacionalizma (nachalo 1990-h-seredina 2000-h gg.) [Main streams of Georgian Nationalism radicalization (Beginning of 1990s — Middle of 2000s)]. *Gumanitarnye i social'nye nauki* [The Humanities and Social Sciences], 6, 27–37.
- Kyrchanoff, M. (2017). *Politics of Memory as Historical Politics in Georgia: From Desovietisation to the Invention of the Sovietness*. Retrieved from http://georgiamonitor.org/upload/kyrchanoff_vsu_mgimo_2017_engl.pdf
- Moravcsik, A. (1997). Taking Preferences Seriously: A Liberal Theory of International Politics. *International organization*, 4, 513–553.
- Murvanidze, B. Y. (2009). Vneshnepoliticheskie orientiry Gruzii v period prezidentstva Eduarda Shevardnadze [Foreign Policy Guidelines of Georgia During the Presidency of Edward Shevardnadze]. *Izvestiia vuzov. Severo-Kavkazskii region. Obshchestvennye nauki* [University News. North Caucasus region. Social Sciences], 3, 119–122.
- MVD Gruzii vzbudilo delo posle napadeniia na zhurnalistov "Rossii 24" [Georgia's Ministry of Internal Affairs Institutes Legal Proceedings following the Attack at 'Russia 24' Journalists]. (2019). *RBC* [RBC]. Retrieved from <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5d0e605f9a79472cdd0d6c6f>
- Nodia, G. (1998). Konflikt v Abkhazii: natsional'nye proekty i politicheskie obstoiatel'stva [Conflict in Abkhazia: National Projects and Political Circumstances]. In V. B. Koppiters G. Nodia I. U. Anchabadze (Eds.) *Gruziny i abkhazy. Put' k primireniiu* [Georgians and Abkhazians: The Road of Reconciliation]. M.: izd-vo "Ves' mir". Retrieved from http://poli.vub.ac.be/publi/Georgians/russian/pdf/02_Nodia.pdf
- Orlova, I. B. (2010). Etnizatsiia istoricheskogo znaniia [Ethnically Biased Historical Knowledge]. *Moskva* [Moscow]. Retrieved from http://moskvam.ru/publications/publication_334.html
- Otnosheniia ES-Gruzii. Spravochnyi material [EU-Georgia Relations. Reference material]. (2019). Retrieved from https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage_ru/26617/%D0%9E%D1%82%D0%BD%D0%BE%D1%88%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F%20%D0%95%D0%A1-%D0%93%D1%80%D1%83%D0%B7%D0%B8%D1%8F.%20%D0%A1%D0%B-F%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%BE%D1%87%D0%BD%D1%8B%D0%B9%20%D0%B-C%D0%B0%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%B8%D0%B0%D0%BB

- Otnosheniia Gruzii i NATO razvivaiutsia [Relations between Georgia and NATO are Developing] (2019). *Sputnik* [Sputnik]. Retrieved from <https://sputnik-georgia.ru/trend/gruzia-nato/>
- Parlament Gruzii utverdil den' sovetskoi okkupatsii [The Parliament of Georgia Approves the Soviet Occupation Day] (2010). *Lenta.ru* [Lenta.ru]. Retrieved from <https://lenta.ru/news/2010/07/21/day1/>
- Po Rossii i pravoslaviiu: dvoinei udar natsionalistov v Gruzii [Russia and Orthodoxy under a Stroke of Georgia's Nationalists]. (2019). *EADaily* [EADaily]. Retrieved from <https://eadaily.com/ru/news/2019/06/21/po-rossii-i-pravoslaviiu-dvoynoy-udar-natsionalistov-v-gruzii>
- Pochemu sokrashchaetsia naselenie v Gruzii [Why Is Georgia's Population Decreasing?]. (2018). *Sputnik Gruzii* [Sputnik Georgia]. Retrieved from <https://sputnik-georgia.ru/society/20180521/240549949/Pochemu-sokrashchaetsia-naselenie-v-Gruzii.html>
- "Rossiiskaia okkupatsiia" ne izmenit kurs Gruzii — Zurabishvili ["Russian Occupation" will not Change the Course of Georgia — Zurabishvili]. (2019). *EADaily* [EADaily]. Retrieved from <https://eadaily.com/ru/news/2019/03/12/rossiyskaya-okkupatsiya-ne-izmenit-kurs-gruzii-zurabishvili>
- Prezident Gruzii v odnom interv'iu piat' raz obvinila Rossiiu v okkupatsii [The President of Georgia Accuses Russia of Occupation five times over a period of one interview] (2019). *Lenta.ru* [Lenta.ru]. Retrieved from <https://lenta.ru/news/2019/07/12/salome/>
- Prezident Gruzii vystupila za sokhranenie turpotoka iz Rossii [President of Georgia Comes Out to Preserve the Tourist Flow from Russia] (2019). *Sputnik* [Sputnik]. Retrieved from <https://sputniknews.ru/ryum>
- Prohorenko, I. L. (2017). Vneshnepoliticheskaya identichnost' [Foreign Policy Identity]. In I. S. Semenenko (Ed.) *Identichnost': Lichnost', obshchestvo, politika* [Identity: The Individual, Society, and Politics] (pp. 465–469). M.: Ves' Mir.
- Rtskhiladze, G. (2007). *Gosudarstvennyi suverenitet v politicheskom myshlenii i praktike Gruzii* [State Sovereignty in Georgia's Political Thinking and Practice]. Retrieved from <http://psibook.com/philosophy/gosudarstvennyi-suverenitet-v-politicheskom-myshlenii-i-praktike-gruzii.html>
- Saprykov, V. (1997). Simvolika Gruzii [Symbols of Georgia]. *Nauka i zhizn'* [Science and Life], 12, 36.
- Sartaniya, K., Bidzhoyan, T. (2018). *Politika pamiati: Landshaft pamiati v postsovetском Tbilisi* [Memory Politics: The Landscape of Memory in Post-Soviet Tbilisi]. Retrieved from <https://casusedition.net/ru/memory-politics-the-post-soviet-memory-landscape-in-tbilisi/>
- Semenenko, I. S. (2011). Politicheskaya identichnost' v kontekste politiki identichnosti [Political Identity and Identity Politics]. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS* [Political Expertise Journal: POLITEKS], 2(7), 5–24.
- Skidmore, D. (1997). Introduction: Bringing Social Orders Back...Rethinking Realist Interpretations of the Cold War: Balance of Power or Competing Social Orders? In D. Skidmore (Ed.) *Contested Social Orders and International Politics*. Nashville, TN: Vanderbilt Univ. Press.
- Skriba, A. S. (2014). Realizm i politika malykh gosudarstv v XXI v [Realism and Policies of Small States in the 21st Century]. *Politika i obshchestvo* [Politics and Society], 3, 347–357. DOI: 10.7256/1812–8696.2014.3.9508
- Spatkai, L. (2017). *Gerby i flagi stran mira. Aziya* [Coats of Arms and Flags of the World (Asia)]. Minsk: Amalfeya.
- Stronski, P., Vriman, A. (2018). Nezavisimoi Gruzii dvadtsat' piat' let: v slozhnom polozhenii [Independent Georgia is Twenty-five: under complicated circumstances]. *Moskovskiy Tsentr Karnegi* [Carnegie Moscow Center]. Retrieved from <https://carnegie.ru/2018/03/01/ru-pub-75652>.
- Tsumarova, E. Yu. (2012) Politika identichnosti: politics ili policy? [Identity Politics or Identity Policy?]. *Vestnik Permskogo universiteta Politologiya* [Bulletin of Perm University. Political Science], 12, 5–16.
- Tsumarova, E. Yu. (2014). *Politika identichnosti v regionakh Rossii: teoreticheskii i prakticheskii aspekty (na primere Respubliki Kareliia)* [Identity Policy in the Regions of Russia: Theoretical and Practical Aspects (the Case of the Republic of Karelia)] (Candidate Dissertation). SPb.
- Vachnadze, M., Guruli, V., Bahtadze, M. (1993). *Istoriya Gruzii (s drevnejshih vremen do nashih dnei)* [History of Georgia: From Ancient Times to Present Days]. Retrieved from <http://www.e-reading>

by/bookreader.php/4682/Bahtadze,_Vachnadze,_Guruli_-_Istoriya_Gruzii_(s_drevneiishih_vremen_do_nashih_dneii).html.

Walt, S. M. (1987). *The Origins of Alliances*. Ithaca, NY: Cornell Univ. Press.

Wendt, A. *Social Theory of International Politics*. N.Y.: Cambridge Univ. Press, 1999.

Wertsch, J. V., Karumidze, Z. (2009). Spinning the Past: Russian and Georgian Accounts of the War of August 2008. *Memory Studies*, 3, 377–391.

Zurabishvili: Rossiiskaia okkupatsiia ne slomila voliu Gruzii k vstupleniiu v ES i NATO [Zurabishvili: Russian Occupancy did not Break Georgia's Will to Join the EU and NATO]. (2019). *Golos Ameriki* [Voice of America]. Retrieved from <https://www.golos-ameriki.ru/a/georgian-president-decadelong-russian-military-occupation-a-failure/4898761.html>

Received 01.08.2019

Accepted 24.08.2019

For citation: Ponamareva A.M. The Image of Russia in the Identity Policy of Post — Soviet Georgia's Elites. — *South-Russian Journal of Social Sciences*. 2019. Vol. 20. No. 3. Pp. 106–126.

© 2019 by the author(s). This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).